

Д Е В О Ч К А - Д Р А К О Н

ДЕРЕВО ИДХУНН

Личия
ТВОЯ

Девочка-дракон

Личия Троиси
Дерево Идхунн

«Центрполиграф»

2008

Троиси Л.

Дерево Идхунн / Л. Троиси — «Центрполиграф»,
2008 — (Девочка-дракон)

София принадлежит к избранным потомкам древнего рода Драконидов, призванным защищать мир от жестокого Нидхогра, крылатой виверны. Она хранит в себе душу Тубана – самого сильного дракона исчезнувшей страны. Покинув виллу профессора, София вместе с Лидией, такой же Драконидой, как она, оказывается в Беневенто. Именно в этой земле пустило свои корни драгоценное дерево Идхунн. Здесь Софии предстоит научиться верить в свои силы и познать любовь...

Содержание

Пролог	5
1	7
2	9
3	14
4	21
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Личия Троици Дерево Идхунн

Посвящается моей тете Аделе, которая подпитывала и всячески поддерживала мои фантазии

Пролог

Дерево Мира стонало. Элтанин слышал его душераздирающие вопли. Он ощущал их не столько на слух, сколько своей плотью, и от этого ему становилось невыносимо. Ведь до сих пор он все еще оставался созданием Драконики и одним из Стражей Древа Мира, и ничто на свете не могло бы заставить его забыть о своем происхождении, даже прошедшая долгая ночь, когда он вместе с вивернами сражался против себе подобных, против драконов.

Он бился всю ночь и весь следующий день. Они сошлись в битве на углу одной из улиц, пожары уничтожали дома и трупы, и он не щадил своих сил. Он запускал свои когти в плоть своих собратьев, подавляя в себе чувство жалости, и вел за собой виверн против своих же старых друзей. Но, как бы храбро они ни сражались, не обращая внимания на страшные раны, с ожесточением бросаясь на неприятеля, вивернам не удалось одержать верх. На закате дня стало очевидно, что эта схватка не закончится в их пользу. Они нанесли врагу ужасные потери, но город все еще оставался в крепких лапах драконов. Именно тогда Элтанин рассказал Нидхогру, как им следует перейти в решительное наступление.

– Дерево Мира находится на открытой местности, в некоем подобии храма, – сказал он своему повелителю. – Кроме Хранителей, которые в любом случае будут обязаны сражаться за него, есть еще и особый защитный барьер. Его можно преодолеть, только если намазаться соком Древа. Но он невероятно жгучий.

Сок Древа Мира... И он добыл его для Нидхогра.

Повелитель виверн свирепо ухмыльнулся.

– Я с радостью вынесу эту боль.

И вот он сделал это. Нидхогр добрался до Древа Мира и теперь разрушает его.

Элтанин обернулся и побежал по песку, подчиняясь своему изначальному инстинкту, ведь долгие годы он был его хранителем. А там уже Нидхогр со своей дымящейся от сока чешуей. Клыками он разрывает землю и достает оттуда корни Древа Мира, раздирая их на части и уничтожая. Сверкающий драгоценный сок растекается по земле, как кровь, а в это время Дерево, в предсмертных судорогах умирающего существа, издает страшные стоны.

Элтанин, ощутив весь ужас происходящего, почувствовал, как задрожало его сердце и как его лапы рванулись броситься вперед и спасти то, что еще осталось от Древа. Листья на верхушке кроны стала высыхать, окрашиваясь в болезненно желтый цвет, и падать на землю. Но дракон сдержался.

«Именно этого ты желал, и таков оказался твой выбор. Ты знал, что это должно было произойти. Ты выбрал виверн, потому что поверил в них, а они поверили в тебя. Все это стало частью общего плана».

Но вскоре появились драконы-Хранители. Израненные, с оружием, обогранным черной кровью виверн и красной – их собственной кровью. В глазах Тубана и Раstabана застыл ужас.

Нидхогр усмехался. С его клыков стекал живительный сок Древа Мира. Он взревел, вскинув голову к небу, и это был рев победителя.

– Ну что вы сделаете на этот раз, а? Что вы сделаете теперь, когда Дерево Мира уже мертво? Виверны снова будут править Землей: это всего лишь вопрос времени. Эре драконов пришел конец!

Раскрыв свои огромные черные крылья, он взмыл ввысь при помощи одного мощного взмаха.

– Мы уходим, – торжествующе выкрикнул он. – Но мы вернемся, – повторил он затем, бросив взгляд на землю. – Мы вернемся, и нас будет уже десятки тысяч. И тогда от Драконики останется только смутное воспоминание.

Нидхогр улетел прочь, и вслед за ним потянулась вся стая виверн. Элтанин последовал за ними. Все еще не придя в себя от увиденного, он никак не мог поверить в то, что свершилось невероятное. Дерево Мира мертво. Дракон бросил свой последний взгляд туда, где оно медленно истекало соком. Его листья один за другим падали на землю, а кора становилась сухой и безжизненной. А еще он увидел ее. Охваченная отчаянием, она опустилась рядом с Хранителями на колени на траву, пропитанную древесным соком.

Должно быть, он почувствовал ее взгляд, потому что она повернула голову и пристально посмотрела на него. В этом взгляде Элтанин не заметил ни ненависти, ни упрека. Только боль и мольба. И в одно мгновение ему показалось, что он все понял: он увидел пропасть, в которую сползал, всю мерзость, в которой оказался замешанным, и овладевшее им за прошедшие месяцы безумие, опьянявшее его кровью и властью. Но более всего его сразила мысль, что он прочел в этом взгляде: «Все, что бы ты ни сделал, может быть прощено, потому что ты есть и навсегда останешься одним из нас».

Элтанину пришлось закрыть глаза и силой воли задушить в себе жгучее желание вернуться назад, бросить все, позабыв о том, в кого он превратился. Но он сделал свой выбор, из которого уже нет пути назад, и умиравшее на песке Дерево было тому самым ярким подтверждением.

Дракон отвернулся и полетел вслед за вивернами. Нет, отныне его возвращение невозможно.

1

Жизнь клоуна

Цирк был переполнен. Под его огромным шатром с желто-голубыми полосами все ряды были сплошь забиты публикой: в большинстве своем это были семьи с детьми, жевавшими попкорн и сладкую вату. Над ареной витал приторный аромат. София посмотрела на публику сквозь узкую щель в занавесе. Она ощущала свое неподвижное из-за толстого слоя грима лицо, наложенного щедрой рукой Мартины. Взглянув в зеркало, София с трудом узнала себя. Впрочем, несмотря на нарисованную помадой широкую улыбку, у нее был очень печальный вид.

Девочка встала, руками приподнимая штанины: они были ярко-голубыми и очень длинными, с двумя бретелями, красной и белой, а на талии затянутые еще и широким пластиковым бандажом. Ботинки были велики ей, по меньшей мере размера на два, и, главное, выглядели необычайно длинными. София спотыкалась в них на каждом шагу.

– Неужели это и в самом деле так уж необходимо? – спросила девочка в последнем порыве недовольства.

– Да, – безжалостно ответила ей Мартина.

На плечо Софии легла чья-то легкая рука.

– Ты готова?

Лидия в своем восхитительном сценическом костюме в виде комбидреса из лилового бархата с тончайшей шифоновой пачкой. Она только что выступила со своим акробатическим номером и была, как обычно, просто неотразима. Зрители от аплодисментов едва не содрали кожу на ладонях.

– Нет, – честно ответила София. – Совсем нет.

Лицо Лидии приняло суровое выражение.

– Сколько можно тянуть... Выходи на сцену, прихватив с собой торты, а потом вали оттуда поскорее. Все. Быстро и безболезненно.

– Когда это делаю я, все не так уж и безболезненно.

Подруга шлепнула Софию.

– Сейчас же прекрати. Сделай это, и конец. Как бы то ни было, у тебя все получится.

Гул аплодисментов вынудил Софию снова выглянуть из-за кулис. Карлик-конферансье по имени Коротышка вышел на арену. А это означало, что скоро наступит и ее черед.

«Но почему я должна туда выходить?» – в отчаянии спрашивала себя девочка. С тех пор как она впервые оказалась в цирке, уже по меньшей мере раз сто задавалась этим вопросом.

– А теперь дуэт Чико – Байо! – объявил Коротышка.

Карло и Мартина, по прозвищу Чико и Байо, прошли мимо нее на арену. Мартина ободряюще подмигнула девочке.

– Выше нос, хорошо? – шепнула она.

Их номер только начался, когда София почувствовала головокружение. Она посмотрела на клоунов: Мартина жонглировала кеглями, а затем стала бросать их Карло, а тот как бы не мог поймать ни одну из них. Всякий раз, когда кегля ударялась ему в грудь, он с недоумением глядел, как та падает на арену, и дети хохотали как сумасшедшие.

София отвела в сторону взгляд, мысленно прокрутив в голове свою роль. Прежде всего она должна была схватить тележку с тортами и выкатить ее на середину арены, туда, где Карло и Мартина всю веселили публику. София же должна была всего лишь развернуться и удалиться прочь. Всего пять шагов. Все очень просто.

«Пять шагов. Ставишь тележку и уходишь. Конец».

София заметила, что Карло и Мартина в ожидании повернулись в ее сторону и публика стихла. София напряглась.

«О'кей, я пошла».

Девочка направилась к занавесу. Кое-кто из детей робко захлопал в ладоши, но большая часть публики продолжала молча следить за ней. София представила себе, как она выглядит со стороны: необыкновенно печальный клоун, который только и знает, что ходить взад-вперед, и больше ничего. София сделала сначала один шаг, затем второй. Идти в таких ботинках было делом далеко не самым простым, они сгибались всякий раз, когда девочка отрывала ногу от земли. А как только она ставила ее обратно, из-под ботинка поднималось вверх целое облако опилок.

«Ты идешь к славе, София, – твердила себе девочка. – Еще чуть-чуть, и все будет кончено».

Три шага.

«Быстро и безболезненно. Ты видела? Это просто».

Четыре ша... Тут все и случилось. На четвертом шаге одна из ее ножиц зацепилась за другую, София потеряла равновесие и упала ничком.

Словно в замедленном кадре, София как бы со стороны увидела, как ее огромный зад задрался кверху, а физиономия угодила прямо в торт. Ошметки крема полетели в разные стороны... А потом мертвая тишина. Мгновение длилось целую вечность. Но вот кто-то из зрителей рассмеялся, за ним другой, третий, и, словно искра в лесу, разрастающаяся до размеров пожара, наконец грянул дружный хохот. А София тем временем рисковала захлебнуться в огромном, с нее ростом, торте со взбитыми сливками.

Девочка почувствовала, как кто-то схватил ее за штаны и с силой поднял вверх. Сквозь сливки и бисквит, сползавшие с лица, София сумела разглядеть хитрую мордашку Мартины. Девочка попыталась что-то сказать, но поперхнулась кусочком торта и закашляла. Зрители решили, что это был новый комический прием, и уже стонали от смеха.

Под бурные овации публики и все нараставший хохот кашляющая София помчалась прочь настолько быстро, насколько ей позволяли ее ботинки. Не поднимая головы, девочка нырнула за кулисы, избегая смотреть в лицо своим коллегам по цирку, с улыбкой смотревшим ей вслед. Пару раз до ее ушей долетали фразы типа «Черт подери, у тебя и вправду большой талант!» и «Вот это успех!».

Девочка влетела в крошечную гримерную, хлопнув за собой дверь, и рухнула на пол прямо возле зеркала. Это был конец. Дай-то боже, чтобы это был конец.

Увидев в зеркале свое отражение, София почувствовала себя как никогда грустной и смешной. Ей жутко хотелось расплакаться, но она сдержалась. Потому что всего несколько месяцев тому назад она поклялась себе самой, что перестанет быть слабой и не позволит другим относиться к ней плохо. Именно в этот момент ее охватила ярость, она злилась на Лидию, на Альму, хозяйку цирка, и на всех, кто работал вместе с ней. Но больше всего она была зла на профессора, который в один прекрасный день собрал свои пожитки и был таков, бросив ее на незнакомых людей. Вот этого она ему никогда не простит.

2

Как София оказалась в цирке

Первое время София думала, что таково было наказание за ее полную бездарность. В конце концов, девять месяцев назад, с момента ее первой встречи с Нидхогром, ей толком так ничего и не удалось изменить. Ну да, она сумела отыскать первый плод – один из пяти магических предметов, которым было бы под силу вдохнуть жизнь в Древо Мира. Но ведь это было всего лишь начало. А надо было найти еще четыре, тогда как не было никаких следов других реликвий.

Долг Лидии и Софии как раз и заключался в том, чтобы найти их, ведь они были Драконидами и в каждой из них жил дух драконов-Стражей, на которых в прошлом была возложена обязанность защищать Древо. Но сколько бы девочки ни старались, они так ничего и не отыскали. Вплоть до сей поры местонахождение второго плода оставалось для них загадкой.

Впрочем, профессор сразу же и объявил им об этом.

С самым серьезным выражением лица, обрамленного короткой белой бородкой, с круглым пенсне на тонком носу и с этим неотразимым видом джентльмена девятнадцатого века он изрек: «Мы победили в схватке, но война только началась. И нам срочно нужно сделать две вещи: разыскать еще одного Дремлющего и новый плод»

Ах да, ведь на свете живут еще три Дракониды, и на данный момент каждый из них, по всей вероятности, является Дремлющим, то есть обычным человеком, ничего не ведающим о том, что в его груди обитает дух дракона. Разыскать остальных Драконидов и ввести их в курс дела – как раз и входило в задачу профессора, но только Лидия и София могли раздобыть плоды Древа Мира. Только им было под силу ощутить их присутствие.

И обе девочки сразу же принялись за дело, хотя Софии очень хотелось спокойно обдумать все, что произошло с ней за последние недели. Да, она была Драконидом и при этом одним из предводителей этого племени, и ей предстояло выполнить свой долг, но об этом девочка предпочитала не думать. Софии было всего лишь четырнадцать, так неужели у нее нет права обрести покой хотя бы на время?

Как бы то ни было, она взялась за дело. Часами она просиживала возле Геммы, бесценной реликвии Древа Мира, с одной только целью – извлечь как можно больше пользы из его энергии. Затем тренировки и изучение книг в библиотеке профессора. Но все усилия оказались тщетными.

Ситуация сдвинулась с мертвой точки, только когда Лидия решила в последний раз отправиться на гастроли со своим цирком, прежде чем окончательно оставить его и поселиться вместе с профессором и Софией. Этот шаг был неизбежен: девочкам было крайне необходимо помогать друг другу в поисках плодов, а для достижения максимального результата им требовалось всегда быть рядом. Беневенто должен был стать конечным пунктом этой финальной поездки Лидии в компании своих коллег-циркачей.

А в это время профессор энергично работал над поисками еще одного Дракониды, но эта задача оказалась значительно сложнее, чем он предполагал.

– Ты знаешь, что на твои поиски у меня ушли долгие годы, – говорил он Софии. – Эти трудности абсолютно нормальны.

– Но ведь Лидию ты нашел довольно быстро...

– Это было просто счастливое стечение обстоятельств.

София завидовала профессору. В отличие от нее самой он выглядел воодушевленным светлой верой в собственные способности и в свое предназначение. При этом веру эту он тщательно скрывал. И вот однажды вечером он, весь сияя, появился за ужином.

– Полагаю, что в своих поисках третьего Дракониды мы находимся на верном пути. София не успела даже донести ложку до рта.

– Но это же здорово!

– Видишь ли, если упорно работать, то рано или поздно добьешься результата, – заметил Шлафен с удовлетворением.

Затем он принялся неторопливо смаковать суп из белых грибов, которые собрал днем вместе с Томасом и Софией. Девочка в этом деле не слишком преуспела: ведь Нидхогр и его прихвостни могли в любую минуту оказаться где-нибудь поблизости. Однако София время от времени прогуливалась по лесу вместе с Томасом, дворецким профессора, который со своей лысиной и форменными густыми бакенбардами, как и его хозяин, выглядел сошедшим с какого-нибудь из полотен девятнадцатого века. Но, несмотря на этот серьезный и сдержанный вид, он был очень жизнерадостным и общительным человеком, весьма благоволившим Софии, которой очень нравилось бродить по лесу в его компании.

– Ну и?.. – спросила девочка профессора.

– Полагаю, что он живет в Венгрии.

И в голове Софии сразу возникло бесконечное множество разных картинок. Поездка за границу! В Будапешт! От прилива чувств у Софии заплыла щеки.

– И когда мы отправляемся в путь?

На лице профессора возникло удивление.

– Я собирался поехать в следующий понедельник.

И, глядя в сверкающие глаза девочки, он почувствовал, что должен был уточнить свою мысль:

– Я. Поеду я.

София успела почувствовать только, как резко опустились ее плечи. То есть как «поеду я»?

– Ты хочешь сказать, что я не еду с тобой?

– Ну... нет. На самом деле нет.

– Но почему?

– По-моему, лучше было бы, если бы ты осталась вместе с Лидией.

– Но ведь Лидия тоже уезжает?

Последовавших после этих слов мгновений тишины с лихвой хватило Софии, чтобы понять всю горечь правды. Она тоже отправится в путь, но не в Будапешт, чтобы насладиться там чудными пейзажами Восточной Европы, а в цирк.

– Вы должны быть вместе, – заявил профессор. – Во-первых, в случае нападения неприятеля вы сможете лучше защититься, а во-вторых, вы должны продолжать совместные поиски плода. София, нам крайне важно разыскать его как можно скорее.

– Но здесь я в безопасности! То есть, я хочу сказать, что мы и так под защитой Геммы, куда уж лучше... Да и как бы то ни было, но я стала еще сильнее, и...

Профессор, подняв ладонь вверх, прервал Софию:

– У каждого свой долг. Я обязан разыскивать тебе подобных, а ты – находить плоды.

– Это наказание за то, что я не могу найти второй плод?

Тон профессора несколько смягчился.

– Нет же, совсем нет! И как только тебе могло прийти такое в голову? Я же уже объяснил тебе...

– Тогда я не понимаю. Профессор, это – мой дом, здесь находятся Гемма и плод Растабана, тогда почему мне нужно отправляться вместе с цирком в совершенно незнакомый мне город? И потом, скоро Рождество, и мне хотелось бы провести его здесь, вместе с тобой.

– С тобой будут Лидия и ее товарищи по цирку. Ты славно повеселишься, вот увидишь. Я не могу откладывать свою поездку, и то, что ты очень скоро уезжаешь, дело уже решенное.

– Да, но там я и в самом деле останусь вне всякой защиты, – заметила наконец девочка. Ну вот, на это возразить ему просто нечего.

Но в ответ мужчина просто улыбнулся.

– Ты ошибаешься. – И у него не возникло ни малейшего желания добавлять что-либо к сказанному.

* * *

На следующее утро, когда пришла Лидия, профессор пригласил обеих девочек в *библиотеку*. На стол он положил два кулона: один зеленый, другой розовый. На вид это были совершенно заурядные подвески, на кожаных шнурках, которые можно было купить на любой ярмарке, всего за несколько евро. На вид это были простые твердые камни неправильной формы.

– Что это? – спросила София.

– Это талисманы. Их изготовил для вас Томас. О том, как их делать, мы прочли в одном из древних манускриптов. Вы даже представить себе не можете, сколько наших усилий ушло впустую, прежде чем нам удалось наконец смастерить их. В каждый из них мы ввели по капельке смолы Геммы, произведя кристаллизацию путем длительного и сложного процесса. Носите их всегда под одеждой. Если Покоренный или кто-либо из приспешников Нидхогра их увидит, то вас смогут узнать. Талисманы будут охранять вас даже вне стен этого дома: они в состоянии полностью свести на нет ауру Драконидов. Как только вы наденете их, сразу же станете обычными девочками.

София долго рассматривала свой кулон, удивленная тем, что от него не исходило никакой магической силы; у девочки не возникало привычного ощущения спокойствия и умиротворения, передававшихся ей от Геммы.

– Он и в самом деле похож на простой камень.

– Разве это не здорово? – Профессор был возбужден как ребенок.

– И он действует, даже когда мы используем свои магические способности? – спросила Лидия.

– Только в том случае, если вы прибегнете к магии низшего уровня. К примеру, он полностью защитит вас, когда вы попытаетесь разыскать плод. А это будет единственным вашим занятием в Беневенто.

Только при одном упоминании названия этого города София почувствовала, как мурашки пробежали у нее по коже. Завтра. Завтра утром она уже уедет.

София не спала почти всю ночь. Ее чемодан уже лежал на кровати: девочка собрала его вместе с Томасом. Со времен приюта гардероб Софии заметно увеличился, тем не менее в дорогу она собиралась взять только спортивный костюм, пару свитеров и джинсы.

– Ты такая красивая девочка... Почему бы тебе не прихватить с собой одно из этих платьев? – подсказывал Томас, указывая на наряд, который София любила больше всего.

Здесь же висело и то платье, что неделю назад на ее день рождения подарил ей профессор. И все же каким чудесным подарком для Софии была бы возможность отправиться вместе с ним в Венгрию! Она ведь никогда еще не была за границей. А вместо этого ей приходится ехать в... Беневенто.

София глубоко вздохнула:

– Не думаю, что у меня будет возможность его надеть. Я иду в цирк, а не на торжественный вечер.

Но Томас все равно достал платье из шкафа.

– Всякое может случиться. И как бы то ни было, но на твоём месте я не стал бы недооценивать Беневенто.

София пожала плечами:

– Я никогда о нём не слышала. То есть все хвалятся, что бывали в таких городах, как Флоренция или Венеция, но никто никогда не сказал: «Я был в Беневенто, это просто потрясающий город».

– А между тем это... магическое место. Знаешь ли ты, что, по легенде, там собирались все ведьмы мира? – с улыбкой возразил ей Томас. – А одна из церквей сооружена в честь святой Софии.

– Я еду туда вместе с цирком, поэтому не думаю, что у меня будет время осматривать его достопримечательности.

– Всегда найдётся время побродить немного по новому городу, – заметил дворецкий. А потом уверенным движением рук самым безупречным образом уложил платье в чемодан.

* * *

На следующий день за Софией пришла Альма. Девочка уже знала, что та руководила цирком и была единственной живой родственницей Лидии. Женщина приходилась ей троюродной или четвероюродной тетей, ну, или кем-то в этом роде: София всегда имела очень смутное представление о видах родства, но, без всякого сомнения, между ними существовала очень глубокая незримая связь. Именно Альма обсуждала с профессором будущее Лидии.

Это была сухонькая старушка, но при этом с живым и несколько лукавым выражением лица. У Альмы была обветренная кожа, длинные седые волосы, украшенные косичками с множеством разных монет и амулетов. На ней был бархатный корсаж, поверх красной рубашки с длинными рукавами, и сверкающая зелёная юбка. Во рту у женщины имелась пара золотых зубов, которые она то и дело выставляла напоказ, поскольку довольно часто улыбалась своей открытой и искренней улыбкой. А ещё она без конца курила.

София была просто ошарашена, впервые увидев Альму: девочка представляла себе, что все женщины в определенном возрасте должны становиться куда скромнее и одеваться во все чёрное, как те старушки, что время от времени приносили поношенную одежду в сиротский приют.

– А знаешь, она до сих пор все ещё очень сильно привязана к нашим корням.

– К каким корням, кто вы такие?

– Мы – ромалы, цыгане.

София ничего такого и подумать не могла, хотя совершенно очевидно, что так и было на самом деле. Однако Лидия вовсе не походила на тех цыган, о которых София была много слышана. Просто невероятно, чтобы Лидия или Альма занимались воровством или выкрадывали детей. И потом, быть может, истории, которые она слышала от разных людей, были всего лишь выдумками.

София двумя руками держала свой чемодан. Она чувствовала себя почти так же, как в сиротском приюте, когда её забирал профессор. Только тогда она навсегда покидала однообразную, тоскливую тамошнюю жизнь, чтобы отправиться в сказочное место, где наконец обретёт свою семью. Теперь же София покидала этот чудесный дом, где жил человек, которого она любила больше всего на свете, с тем чтобы отправиться в странное, едва знакомое ей место.

Девочка попрощалась с профессором, расцеловав его в обе щеки. Мужчина крепко обнял Софию.

– Тебе там понравится, вот увидишь. А из Будапешта я тебе что-нибудь привезу, – шепнул он девочке на ухо.

Потом София направилась к Альме, поджидавшей ее со своей неизменной сигаретой в зубах. Рядом с женщиной стояла Лидия.

– Добро пожаловать к нам, – поприветствовала ее цыганка, демонстрируя свои золотые зубы.

Девочка вздохнула, но ничего не ответила.

Ее путешествие с цирком началось уже здесь, а закончилось месяц спустя, когда она упала, угодив лицом прямо в гигантский торт.

3

Кошмары и нечаянные встречи

Должно быть, это закат. Вокруг нее все стало темно-фиолетовым. Даже небо приобрело тот же оттенок, словно кто-то раскрасил все одним цветом.

Несмотря на то что было еще довольно светло, София не заметила в этом пейзаже ничего странного. Да, она чувствовала, что здесь возвышались дворцы, и каким-то особым образом она видела их, при этом с трудом различая детали. В ее глазах стояли только безымянные параллелепипеды, выстроенные в линию, один за другим, словно гигантское домино.

Ее шаги по бульажной мостовой. Слегка приглушенный отчетливый звук, многотысячным эхом разносившийся по округе.

«Стук каблучков», – снова подумала София. Но на ней были ее любимые голубые кроссовки, никаких каблучков.

Шагая вперед, София пыталась узнать хотя бы один фрагмент окружавшего ее сюрреалистического пейзажа, но тщетно.

Потом она почувствовала что-то под своими ногами. Глухая вибрация поднималась по спине до самых ушей девочки.

Она слышала мрачный рокот, но не могла точно сказать, что это было. Софию охватил безумный страх.

«Он идет», – с тревогой подумала девочка.

Казалось, почва под ней заходила ходуном, потом она почувствовала неравномерное колебание, а затем ощутила медленное вращение.

Земля вздыбилась, словно потрясаемая волнами. София упала, но едва ее руки коснулись земли, вместо шероховатой поверхности асфальта она ощутила под своими ладонями холодную и скользкую чешую.

Девочка в ужасе огляделась по сторонам: дороги больше не было. Вместо нее неистово извивающееся тело громадного змея. Чтобы не упасть, охваченной отчаянием Софии пришлось вцепиться в чешую. Девочка закричала, но из ее горла не вышло ни звука.

По бокам огромного змея открылись две красные прорези, из которых стали медленно появляться гигантские перепончатые крылья. Длинные и острые когти с жутким скрежежетом цеплялись за безымянные дворцы.

Потом чудовище обернулось назад, но, даже не видя его, София уже знала, кто это был. Она поняла это с самой первой минуты, как только оказалась в этом абсурдном месте, как только почувствовала первые толчки под своими ногами. Это – Нидхогр, ее заклятый враг и страшный злодей.

Красные глаза на непомерно огромной голове змея пылали такой беспримерной злобой, что София почувствовала себя совершенно подавленной. От страха по ее щекам покатились слезы. Она лихорадочно соображала, что единственным спасением для нее может быть только бегство. Но куда ей бежать, где укрыться? Повсюду только он.

«И так было всегда, – говорит чей-то громыхающий жуткий голос. – И если ты и вправду настолько глупа, полагая, что сможешь убежать от меня только потому, что сумела победить в этой жалкой схватке, то ты сильно ошибаешься. Мы с тобой связаны навечно, и тебе хорошо это известно. Таково наше с тобой предназначение, и скоро наши пути снова пересекутся».

Кроваво-красная пасть Нидхогра раскрылась, обдавая девочку своим нестерпимо жарким дыханием.

София вновь попыталась крикнуть, и снова безуспешно: над ней сомкнулись гигантские челюсти, а кости девочки хрустнули от вонзившихся в нее острых, как ножи, клыков. И только тогда из ее горла вырвался нечеловеческий жуткий крик.

Придя в себя, София резко вскочила. Внезапно она ощутила холод, пропитанная потом пижама прилипла к ее телу. Вокруг рассеянный полумрак. Светало. Девочка увидела одеяла, трубку неоновой лампы на потолке, задвинутую на окошке штору – словом, всю умиротворяющую картину вагончика, в котором она жила на протяжении почти месяца. А еще Лидию.

– Все в порядке? – спросила встревоженная подруга.

София ответила не сразу.

– Да, думаю, что да. Это был просто ночной кошмар.

– Я услышала, как ты закричала, и тогда...

Лидия несколько смутилась.

София все еще продолжала сердиться. Она старательно пыталась не вспоминать про казус на арене и все, что за ним последовало.

Она никак не могла в это поверить: Лидия, улыбаясь во весь рот, вошла в раздевалку и даже стала осыпать ее комплиментами. Но за что? За грациозный прыжок в торт?

Ох уж она и расхваливала ее, еще бы! Быть может, даже слишком.

Как бы то ни было, но София не хотела мириться, и Лидия, казалось, была раздражена этим не меньше своей подруги.

– Давай пошевеливайся. Тетя Альма приготовила завтрак.

София умывалась еще четверть часа. Она завтракала вместе со всеми артистами на цирковой арене, в окружении ряда столов, устанавливаемых по утрам, в обед и на ужин. Само по себе это не вызывало у девочки никакого раздражения: в это время всегда царил беззаботное настроение, и потом циркачи были весьма симпатичными людьми. Здесь сидел Маркус, укротитель зверей, сильный и добрый мужчина, который, казалось, только что сошел с цирковых афиш прошлого. Из него вышел бы отличный конференсье. А вместо этого он дрессировал слоницу Орсолу, с которой у Софии прежде вышла еще одна пренеприятная история, как раз в тот день, когда она познакомилась с Лидией. Профессор тогда настоял на том, чтобы девочка сфотографировалась со слонем, и она, по своему обыкновению, нашла способ стать всеобщим посмешищем, полетев вверх тормашками в тот самый момент, когда попыталась взобраться на круп животного. Маркус и Орсола были словно отец и дочь и просто потрясающе понимали друг друга. София могла поклясться, что они смотрели друг на друга влюбленными глазами.

– Маркус любит Орсолу больше, чем кого-либо из людей, – говорила Лидия.

На что он отвечал:

– Животные не предадут, они искренни, словно дети, и никогда не причинят зло только ради удовольствия – почему бы мне не предпочесть их людям?

Потом близнецы Гектор и Марио, акробаты и жонглеры. Однажды они подготовили номер с горящими кеглями, наблюдая за которым София даже почувствовала себя плохо. Языки пламени лизали тела юношей, подбираясь к ним так близко, что хватило бы малейшей ошибки, чтобы огонь охватил их с головы до ног. Однако их вера в собственные силы была просто безгранична, и к тому же они никогда не ошибались.

А еще в цирке был карлик Коротышка, работавший в качестве конференсье, – никто не знал его настоящего имени. Дальше Бесса, акробатка и наездница со своей кобылой Данной, Карло и Мартина, а еще Сара, которая в зависимости от программы выступала то в качестве женщины-пушки, то бородатой женщины. Отдельный мирок, странный и веселый. Но только не в это утро. Сегодня, София знала это наверняка, все непременно начнут вспоминать предыдущий вечер, словом, именно то, о чем бы ей хотелось поскорее забыть.

– Ну, как впечатления от вчерашнего выступления? – начала Мартина.

София пожала плечами и попыталась спрятать лицо за чашкой с молоком.

– Ну же, это было просто восхитительно, не так ли? Я никогда еще не слышал, чтобы публика так хохотала, – заметил Карло.

И головы всех присутствующих согласно закивали.

– Оставьте ее, – резко вмешалась Лидия. – Она настолько глупа, что даже не заметила свой оглушительный успех.

– По-твоему, выглядеть посмешищем на глазах у всех – это большой успех? – возразила София, сжимая чашку в руках.

– Мартина и Карло занимаются этим каждый вечер.

От воцарившегося молчания повеяло холодом.

София почувствовала себя неловко.

– Я вовсе не это хотела сказать, – заметила девочка, бросая на Мартину свой полный отчаяния взгляд.

– А между тем ты выразилась именно таким образом. Признайся, что наша жизнь тебе не по душе, – накинулась на Софию Лидия.

– Девочки, прошу вас, – попытался вмешаться Коротышка.

– Вы смешите людей и вам это нравится, а у меня это получается случайно, – с отчаянием в голосе произнесла София.

– А что ты скажешь насчет того, чтобы поучиться? – улыбаясь, предложил Карло, но наткнулся на неодобрительный взгляд Мартины.

– Нет! – вспыхнула, вскакивая, София. – Я не желаю учиться! Это не по мне, это мне не нравится, почему вы не понимаете меня? Я такая неуклюжая, а уж в этом костюме и подавно. Я не такая веселая, как вы, я всего лишь слезливая девчонка!

И с этими словами София, вбежав в свой вагончик, схватила пальто и умчалась за пределы лагеря: она ощущала крайнюю необходимость в том, чтобы побыть наедине и все обдумать.

Она пешком направилась в центр города. Путь был неблизкий. Но холод и усталость помогли ей проветрить мозги. Ярость постепенно ослабевала.

Девочка позволила городу увлечь себя. Ей нравились эти дома, потому что они таили в себе множество сюрпризов. Порой в самых неожиданных местах, среди камней, прямо на бетонном основании, появлялась то римская капитель, то фрагмент гробницы, то барельефы. Это поражало ее. Сама мысль о том, что остатки древнего прошлого, быть может даже бесценные, использовались в качестве строительного материала, вызывала у Софии возмущение. Но, подумав немного, она решила, что это просто жизнь одерживала верх над смертью; все то, что прежде было руинами, мертвыми камнями, внезапно обретало новый вид. И, если вдуматься хорошенько, это вселяло уверенность в будущее. Когда-нибудь эти стены, выполнив свою миссию, тоже послужат новому замыслу.

Но больше всего в Беневенто Софии нравилась его таинственность и мистичность. Город нравился ей тем, что до него не так-то просто было добраться и что в нем почти не было туристов.

Перейдя проспект Гарибальди, София добралась до хорошо знакомого ей переулка. Достаточно было ступить на него ногой, и гул машин становился заметно тише. Девочка словно оказывалась в ином измерении, в тишине и одиночестве. Пару раз завернув за угол, она уже стояла перед красной стеной. Калитка, как всегда, была чуть поодаль. София замедлила шаг и неторопливо вошла, словно вступая в святилище. И в каком-то смысле так оно и было: это ее укромный уголок, где она могла наконец насладиться покоем и одиночеством.

Этот сад назывался Закрытый сад, но София не знала значения этого наименования. В крошечном парке, окруженном со всех сторон высокими домами, росли платаны и конские каштаны. А еще бамбук и папирус. И прямо среди растений и кустарников внезапно то тут, то там возникали изваяния. Над стеной возвышалась статуя лошади с длинными и тонкими ногами и с покрытой золотом мордой. Огромный бронзовый диск, вбитый в землю; из диска струилась вода, стекавшая в большую емкость. Человек с необычайно длинными руками, а на нем странного вида вытянутая шляпа. Эти мечтательные образы, похожие на видения, казалось, вырастали прямо из земли. И это нравилось Софии. Сад зачаровывал девочку. Городской шум оставался где-то за его пределами, едва она ступала в него ногой. А здесь лишь журчание воды из фонтанов.

София глубоко вздохнула, она уже почувствовала себя чуточку лучше.

Как всегда, девочка немного прогулялась по саду. Постепенно освоившись, она убедилась в том, что была здесь совсем одна.

София подошла к каменному фонтанчику. Он представлял собой неглубокий бассейн, в котором росло великое множество кувшинок и других водяных растений. По поверхности водоема бегали водомерки. София остановилась, чтобы посмотреть на этих маленьких упорных гребцов. В конце концов, они тоже были акробатами, как и Лидия; и как только им удавалось держаться на поверхности воды на таких тонюсеньких лапках?

Лидия. Лидия все явно преувеличивала, и София это явственно осознавала.

Но... но, быть может, она тожехватила лишку, хотя и самую малость. Ладно, довольно об этом. И все же София была измучена до крайности: ей не хватало ее дома и профессора.

В воде среди водорослей сновали маленькие хитрые рыбешки. София собралась с духом и вынула из кармана пальто конверт. Получив его пару дней назад, девочка тут же узнала этот изящный, аккуратный, порхающий почерк. От волнения сердце едва не выскочило у нее из груди.

«Для Софии...»

Только для нее одной.

Повертев конверт в руках, София принялась рассматривать великолепную бумагу и почтовый штемпель. Письмо пришло издалека: оттуда, куда ей так хотелось поехать, – из Будапешта.

Это было первое долгожданное послание профессора, которое София получила с тех пор, как оказалась в цирке. Ей так сильно его не хватало.

В конверте помимо письма была открытка – великолепная панорама ночного города: на переднем плане несла свои воды гладкая, словно масло, река, а позади при свете тысячи огней возвышался собор. У Софии защемило сердце. Сложенное вчетверо письмо было написано на чудесной веленовой бумаге, хрустевшей всякий раз, когда девочка разворачивала его. И София в очередной раз прочитала послание.

«Дорогая София,

я действительно надеюсь на то, что ты простила мне мой выбор. Я по-прежнему убежден в правильности своего поступка и еще более уверен в том, что теперь у тебя появилась возможность привыкнуть к цирку и понять, какое это необыкновенное место».

София глубоко вздохнула. Похоже, профессор переоценивал ее.

«Поиски продолжаются, хотя и не так быстро, как я думал. Даже если бы ты отправилась вместе со мной, у нас совсем не оставалось бы времени на то, чтобы побыть вдвоем. Я

только и занимаюсь тем, что хожу по библиотекам, пядь за пядью обследуя город в поисках призрака.

О нем мне известно только то, что это юноша чуть старше тебя, а в остальном – кромешная тьма».

София испытала слабое чувство разочарования, когда узнала, что третий Драконид – юноша. А она так надеялась на то, что это будет еще одна девочка.

«Он оставил следы повсюду на своем пути, но каждый из них заводит меня в тупик. Знаешь, эта ситуация начинает понемногу выводить меня из себя. Но как бы то ни было, я не отступлю. И ты тоже не отступай.

Я прекрасно знаю, насколько ты сейчас разочарована и что ты винишь себя за то, что никак не можешь найти плод. Не надо.

Хочу признаться тебе: я отправил тебя к Лидии еще и по этой причине. София, тебе необходимо сменить обстановку. Озеро с его навевающей грусть атмосферой и мой дом очень хорошо действуют на тебя, ты чахнешь. Там, начиная с твоей комнаты, так похожей на Драконью, для тебя не существует ничего, кроме твоей миссии. Тебе нужно отвлечься и хоть немного насладиться своей молодостью. Вот я и подумал, что цирк был бы для этого идеальным местом, и я уверен в том, что ты весело проводишь там время».

София отвела взгляд в сторону. Ее очень трогала мысль о том, что профессор высоко ценил ее; девочке было очень приятно ощущать его любовь и знать, что он беспокоится о ней... Но она вовсе не нуждалась в развлечениях, ей нужен был ее обретенный отец, тот самый единственный человек, которого она могла бы назвать своей «семьей». Ведь в эти годы именно семья ей так не хватало.

«Я несколько не сомневаюсь в том, что вы вместе с Лидией продолжаете свои поиски, но не стоит слишком усердствовать. Да, война объявлена, и время не на нашей стороне, но не следует отчаиваться. Нужно еще и наслаждаться жизнью. Усталость и моральная подавленность не позволят вам в полной мере воспользоваться своими умениями.

Это все, о чем я хотел написать. С особым трепетом жду твоего ответа. Отправляй его только по тому адресу, который я указал.

С любовью

Твой профессор».

София почувствовала комок в горле. Как же в этот момент ей не хватало дома. Да, ведь именно это место, которое профессор называл грустным и удручающим, было ее домом, и он прекрасно соответствовал ее способу существования и мироощущения. Вот почему утром она и закатила этот скандал. Все из-за своей тоски и одиночества.

София встала. Это было не так-то просто, но она должна была вернуться и извиниться. Девочка осознавала, что произвела весьма жалкое впечатление. Однако одно оставалось неизменным: с клоунадой покончено раз и навсегда!

София собралась уже уйти, когда внезапно услышала вдалеке какой-то гул. Это не было похоже ни на бульканье воды, ни на шелест листвы, и это поразило девочку больше всего. Сухой и ритмичный звук, явно отличающийся от остальных.

Цоканье деревянных башмаков.

Сердце девочки едва не остановилось. София в мгновение вспомнила увиденный ею ночью кошмар, и ее объял безумный страх, точно такой же, как во сне. Рука девочки инстинктивно скользнула к висевшему под свитером кулону и судорожно сжала его.

«Что мне делать, если это враг?»

Родинка на лбу Софии тут же принялась неистово пульсировать, и девочку окутало такое знакомое ей тепло: это – Тубан, дракон, чей дух жил в ее теле. Со времени последней схватки она упорно тренировалась и теперь была в состоянии вызывать его мощь по своему усмотрению. София научилась даже управлять появлением самых настоящих крыльев для полетов. Девочка уже чувствовала, как они давили ей на плечи. Словом, в случае необходимости София была полностью готова к бою.

Звук становился все ближе и ближе. София спряталась за кустом и с замиранием сердца выглянула из-за ветвей. Гул стих. Глаза девочки шарили в темноте до тех пор, пока не увидели черную, сжавшуюся в комок фигуру, сидевшую на корточках под огромным бронзовым диском. Вокруг нее голуби усердно клевали что-то на земле.

София сразу подумала о Ниде, одной из приспешниц Нидхогра, прекрасной блондинке, с которой ей пришлось столкнуться несколько месяцев тому назад.

Неужели это она?

София замерла, ей непременно нужно было знать, был ли здесь Нидхогр, не послал ли он кого-нибудь вслед за ней?

При пробивавшемся сквозь крону деревьев свете София увидела пучок седых волос и приземистое старушечье тело. Вздохнув с облегчением, девочка успокоилась.

– А знаешь, что я тебя слышу? – спросила фигура.

София затаила дыхание.

– Я знаю, что ты здесь. Не бойся, я не кусаюсь.

София снова сжала кулон в ладони. Определенно это была не Нида. Но, быть может, это еще кто-то из ее недругов.

– Голубям, как и нам, тоже нужно как-то кормиться, – добавила старушка.

У нее был спокойный, внушающий доверие голос. Незнакомка принялась ворковать, и голуби постепенно доверчиво приблизились к ней.

«Они бы не повели себя так, будь в ее обличье Нидхогр», – подумала София.

Закутавшись поплотнее в пальто, девочка вышла из укрытия. Старушка была вся в черном: в шерстяной юбке, поношенном свитере, тяжелых вязаных чулках. А на ногах – деревянные башмаки. Настоящая бабулька.

– Ну, видишь, что я не кусаюсь? – повторила старушка, а потом взяла в руки кусок черствого хлеба. – Не хочешь мне помочь?

София в нерешительности подошла ближе. Затем взяла ломоть и присела на корточки рядом с ней.

– Не думала, что здесь кто-то может быть, – заметила девочка, чтобы начать разговор.

– Сюда редко кто приходит, – с улыбкой согласилась старушка, – и поэтому мне здесь нравится.

– Мне тоже, – добавила София.

– Это – церковный сад, – продолжила старая женщина, – а вернее сказать, монастырский. Быть может, поэтому здесь так спокойно.

София наблюдала за тем, как голуби клевали хлеб. Она испытывала некоторую неловкость, но сама не знала почему, хотя инстинктивно чувствовала, что может доверять этой женщине.

– Вы давно здесь живете? – спросила девочка.

Казалось, старушка на мгновение помрачнела.

– Очень давно, – ответила она с печальной ноткой в голосе. Затем она рукой указала на что-то.

Возле красной стены, на другой стороне площадки, где они находились, стояла какая-то скульптура. Она чем-то походила на шляпу, верхушку которой венчали две сплетенные между собой ветви с шипами.

– Я здесь с тех пор, как появились они.

– Кто – они?

Старушка растерянно молчала.

– Они, – опять повторила она. – Да и ты живешь здесь с тех самых пор, а может, даже еще раньше, не так ли?

София почувствовала, как все ее тело охватила дрожь.

– Кто вы?

Старушка улыбнулась.

– Я чувствую особенных людей, а ты особенная. Как она.

– Кто – она? – спросила София.

– Она, – пробормотала женщина. – Она, – повторила она с болью.

София продолжала смотреть на незнакомку, а та, похоже, снова была поглощена своими голубями. Чуть погодя она встала.

– Я часто прихожу сюда, а ты?

– Каждый день, если у меня получается, – ответила София.

– Тогда, пожалуй, мы снова встретимся. По крайней мере, я надеюсь на это, – сказала старушка. Затем она направилась к широкой лестнице, что была у нее за спиной, и грохот каблуков постепенно стал стихать.

Ошарашенная, София осталась стоять посреди площадки. Потом в небо поднялись голуби, и волшебные чары будто рухнули. Кто была эта женщина? Куда она ушла?

София устремилась вниз по ступенькам и замерла недалеко от решетки. Закрыта. Девочка ухватила руками за перекладины. Неужели все это ей снится?

4

Таинственный мальчик

Лидия буквально набросилась на Софию.

– Куда ты пропала? – Она схватила Софию за руку, когда та появилась в цирке.

– Мне нужно было побыть одной, – сердито ответила девочка.

– Ты заставила нас поволноваться, даже не подумав о том, что сегодня утром мы собирались сесть за учебу. Ты помнишь, что в этом году у нас экзамены, и если мы не сдадим их, у профессора будут большие неприятности. С теми, кто занимается дома, комиссия не церемонится. И потом, про плод ты, случайно, не забыла? Нам ведь предстоит выполнить еще и свою миссию?

София собралась было ответить, когда ее подруга внезапно сменила свой тон.

– Как бы то ни было, извини меня, – сказала она, отводя взгляд в сторону.

София растерялась. Такого она никак не ожидала: Лидия была гордой и не была склонна признавать свою неправоту.

– Я явно переборщила, мне не нужно было говорить тебе все это, – добавила она, но на этот раз уже вполголоса. – Но в истории с клоунами ты тожехватила лишку.

– Есть немного, – согласилась София. – Я тоже очень сожалею, – заставила она себя признаться. – Извини меня.

Лидия внимательно посмотрела на подругу.

– Я знаю, что ты скучаешь по дому, – серьезно заметила девочка. – Не думай, что я не понимаю, что у тебя на душе творится.

– Нет, тебе не понять, – возразила София. – Вилла профессора – это как раз то, о чем я мечтала все эти годы, это настоящий дом, и я так быстро потеряла его!

– Нет, ты его не потеряла. Скоро цирк вернется с гастролей, и ты снова окажешься дома. А я, наоборот, потеряю свою семью.

Странно, София не задумывалась об этом: шли последние месяцы пребывания Лидии в цирке. С тех пор как решение было принято, казалось, что девочка больше не придавала этому особого значения. Она продолжала жить прежней жизнью, демонстрируя привычную уверенность в себе. Но у Лидии было одно условие: побыть напоследок со своими друзьями.

– В моей жизни всегда был только цирк, – тихо заметила девочка. – С тех пор как умерла моя бабушка, все эти люди стали моей семьей. И тетя Альма... тетя Альма стала мне матерью, которой у меня никогда не было. Она вырастила меня и научила всему, что я умею, она научила меня жизни и цирковому искусству. Она защищала меня от всех и от всего. Она сделала меня такой, какая я есть.

Лидия замолчала, и Софии на мгновение показалось, что та пытается сдержать слезы.

– Больше не будет со мной ни ее, ни остальных моих друзей, – продолжила девочка, но на этот раз с легкой дрожью в голосе. – Проснувшись, я не увижу их. Они не будут рядом со мной, когда я останусь одна или когда мне просто взгрустнется. Мне их так будет не хватать. Поэтому не смей говорить мне, что я ничего не понимаю.

И София крепко обняла подругу. Внезапно она почувствовала, насколько та была близка ей и даже чем-то похожа на нее. Впервые Лидия оказалась такой же слабой, как и сама София, и от этой слабости она становилась ей еще дороже.

– Извини, я была дважды дурой.

Почувствовав, как подруга погладила ее по спине, София лицом уткнулась в ее плечо. Потом Лидия резко отстранилась.

– Эй, выше нос, у нас еще куча дел, – напомнила девочка и снова стала такой, как прежде: сильной, уверенной в себе и решительной. – Сначала обедать, а потом принимаемся за дело! За учебу, а потом за поиски плода.

Одного София все же добилась: с клоунадой было покончено. И Лидия сразу протянула ей руку помощи.

– Когда она занимается этим, то чувствует себя не в своей тарелке, лучше не заставлять ее, – заявила она огорченным Карло и Мартине.

– Но она просто молодчина! – настаивала Мартина.

– Я несколько не сомневаюсь в этом, наоборот, я думаю точно так же, но сейчас она не хочет этим заниматься. Не все рождены для арены. Может быть, потом ей захочется доказать обратное.

«Ни за что, – подумала про себя София, но все равно согласно кивнула. – Лучше иметь хорошую мину при плохой игре».

– Ну хотя бы торт на арену ты будешь выносить?

София вскипела. Она была уже готова крикнуть во весь голос, что нет, но Лидия успела ее опередить:

– Она сделает это, только без всяких трюков. Я дам ей один из своих костюмов.

– Тот, с красивой отделкой, – не растерялась София. – И без этих жутких ботинок. Я сделаю это только в том случае, если не будет даже малейшего намека на прикосновение к тортам.

Мартина и Карло печально кивнули. София победила на всех направлениях.

Перед началом представления Софию поставили в кассу. Однажды она уже делала это: берешь деньги и с улыбкой отрываешь билет. Это решительно лучше, чем с головой погружаться в бисквит. И потом, девочке очень даже нравилось сидеть здесь. Так забавно наблюдать за незнакомыми людьми. Остановливаясь на каждом из новых лиц, София пыталась угадать, как они живут.

Вот два пожилых человека с ребенком: по всей вероятности, бабушка с бабушкой и их маленький внук.

Молодая пара пришла наверняка чтобы весело провести вечер.

Потом толпа детей, что было совершенно привычным зрелищем: они либо выстраивались в очередь, чтобы сделать пресловутый снимок с Орсолой, либо толпились рядом с киоском со сладкой ватой. Плачущие, смеющиеся дети, то капризничающие, то смиренно стоящие возле своих родителей. Семьи.

София смотрела на них со смешанным чувством горечи и любопытства. Кто знает, как это – жить в семье? Иметь маму, которая вечерами, поправив одеяло, целует тебя и желает спокойной ночи.

Девочка подумала про свою маму, о которой профессор никогда не рассказывал. Всякий раз, когда она пыталась задать ему несколько вопросов в связи с этим, он уходил от ответа и менял тему разговора. Мужчина даже не сказал ей, жива она или мертва, а он между тем, должно быть, знал это. Профессор знал отца девочки и однажды случайно обмолвился, что мать Софии не была Драконидом. Он наверняка располагал о ней какой-то информацией.

«Если бы она была сейчас жива, то обязательно разыскала меня и забрала из сиротского приюта. Настоящая мама делает именно так».

– Эй!

София вздрогнула. Погруженная в свои мысли, девочка совсем забыла про очередь в кассу.

– Извините, – произнесла она, не поднимая головы, и положила руки на книжку с билетами. – Сколько, вы сказали, вам нужно?

И София подняла глаза.

Это был подросток. Мальчик, по всей вероятности, почти ее ровесник. У него были курчавые волосы, но они отнюдь не выглядели как жуткая копна волос Софии, превращавших голову девочки в запутанный клубок из красной соломы. Нет, его кудри были обильными и легкими. Казалось, их только что слепила в завитки рука какого-нибудь скульптора. Глаза у мальчика были темными-темными, а вокруг носа едва виднелись веснушки. Он был худым и слишком высоким для своего возраста, и София вдруг подумала, что он – самое лучшее, что она когда-либо видела в своей жизни. Неизвестно почему, у девочки перехватило дыхание. Он был такой... такой совершенный, и у него был такой зрелый и страдальческий вид... А эти глаза... черные колодцы, в одно мгновение поглотившие ее всю, без остатка.

– Один билет, – произнес мальчик.

София вернулась на землю. Он посмотрел на нее с недовольной физиономией человека, которому приходится общаться с придурком.

– Да, я... извини... не...

– Так ты дашь мне билет или нет?

Достаточно было одного мгновения, чтобы в этих глазах появилось глухое раздражение. Ставшие еще более темными, почти черными, они при этом казались еще прекраснее.

Дрожащие пальцы Софии никак не могли оторвать билет. Наконец билеты просто упали на пол.

– Проклятье... Одну минуточку...

София сползла со стула и принялась шарить по полу.

– Уже иду! – воскликнула девочка.

Но когда она снова появилась в окошке, мальчика уже и след простыл. Расстроенная, София с чувством полной растерянности огляделась по сторонам. Ну почему все так случилось?

«Конечно, так и должно было случиться, потому что ты полная дура!» – сказала она себе.

– Три, будьте добры.

София посмотрела на покупателя. Отец с ребенком за спиной и с изящной женщиной под руку. Девочка в одно мгновение оторвала три билета.

«Но почему же сейчас у вас все получается, проклятые пальцы?»

Касса закрылась на четверть часа позже. София пребывала в полной прострации. Мальчик с темными глазами запал ей в сердце. Но едва девочка вспоминала, какой идиотский вид у нее был, ей становилось дурно. София потрясла головой, чтобы избавиться от неприятного чувства. Но даже осознание того, что совсем скоро ей придется выйти на арену, не могло отвлечь ее от этих мыслей. Куда бы она ни смотрела, повсюду были эти глаза. У Софии, как и в прошлый вечер, возникло странное ощущение в животе, но это отнюдь не имело ничего общего с ожидавшим ее в скором времени выступлением. Нет, причиной этого беспокойства был тот подросток, которому она не смогла продать билет.

Потом София услышала взволнованные голоса. Маркус. Но Маркус никогда так не кричал. Достаточно ему было немного повисить голос, и люди успокаивались. На этот раз ему и в самом деле пришлось повисить тон.

– Где ты пролез? – спрашивал он.

– Да нигде я не пролезал!

Софию едва не хватил удар: это был его голос. Он произнес тогда всего лишь несколько слов, и тем не менее девочка сразу узнала его. София метнулась ко входу. Это был он.

– Ах нет? А что ты делал под навесом, наполовину внутри, наполовину снаружи?

– Ваше выступление не стоит этих денег, – с ухмылкой возразил мальчик, засовывая руки в карманы.

Внезапно все стало терять свои очертания, сползая в густую массу неопределенного цвета. А в центре этой картины стоял он. Камуфляжные штаны, рубашка в бело-голубых квадратах и под ней – поношенная выцветшая футболка. Прямо на груди виднелась крошечная дырка. Каждая деталь этого образа намертво отпечаталась в мозгу девочки.

Мальчик увидел Софию и указал на нее рукой:

– Это она во всем виновата, а деньги у меня есть.

София пришла в себя. Маркус посмотрел на нее, а мальчик тем временем зажал в кулаке мелочь, которую достал из кармана штанов.

– Это она не захотела продать мне билет, разберитесь с ней.

Маркус сначала недоверчиво посмотрел на мальчишку, а потом обернулся к Софии:

– Что это за история?

У девочки пересохло в горле. И куда только делся ее голос?

– Я... вот... не...

Мальчик смотрел на Софию с видом явного превосходства.

«Вот тебе, получи, – думала София, – за тот слезливый вид, в котором ты предстала перед ним всего несколько минут назад».

– Нет, дело в том... да, он прав... у меня из рук выпала книжка с билетами, и потом я несколько растерялась и... – Вся эта тирада закончилась невнятным бормотанием.

Маркус почесал затылок.

– София, я ничего не понимаю.

– Это я виновата, он прав, – сдалась наконец девочка.

– А я что говорил?! – воскликнул мальчик с вызывающим видом, сразившим Софию.

Маркус внимательно посмотрел сначала на него, а потом перевел взгляд на Софию и снова на мальчика.

– Так у тебя есть деньги или нет? – спросил он наконец.

Мальчишка, фыркнув, снова достал руку из кармана, показал деньги и протянул ему.

– Что, доволен?

Маркус грозно посмотрел на мальчика:

– Больше так не делай.

– Да уж точно я больше не приду туда, где меня принимают за вора, – возразил он, бросая на Софию убийственный взгляд.

Девочка потеряла дар речи.

– Ну, скажи хоть что-нибудь.

– Мне... мне очень жаль.

Мальчик равнодушно пожал плечами.

– Тогда что насчет билета?

– Я мигом, – ответила девочка, подскочив, словно на пружинах. Оставшиеся билеты София положила себе в карман. Она с трудом достала их, но мальчик вырвал билеты из ее рук.

– Спасибо, лучше уж я сам, – недовольно добавил он. Оторвав один, он грубо сунул остальные обратно в руки девочки.

София взглядом проследила за ним до тех пор, пока он не исчез за входной дверью.

Ее сердце снова забилося: девочка сделала глубокий вдох, словно долго находилась под водой и ей не хватало воздуха.

– Ты все еще здесь? – тряхнула ее Лидия, возбужденная как всегда перед представлением. – А ну-ка, тебе уже пора переодеваться!

Она, как всегда неотразимая, уже была в своем рабочем костюме.

Не пришедшая в себя до конца София позволила увлечь себя в раздевалку. И только там она в полной мере осознала, что он вошел и занял свое место в зале. Он увидит ее во всей красе, в балетной пачке со всеми этими жирными тортиками.

– Нет!

Лидия чуть не испугалась этого крика.

– Что – нет?! – воскликнула она.

– Сегодня я не смогу выступить, – сказала София, спрыгивая со стула. – Мне... плохо.

Живот. У меня болит живот.

– София, успокойся.

Но та уже устремилась к двери.

Лидия схватила подругу за руку:

– София!

София с мольбой посмотрела на нее.

– Я и вправду не могу. В самом деле.

– Послушай, мне казалось, что ты со всем согласилась. Ты не должна выступать в номере, ты не будешь одета как клоун, и уверяю тебя, над тобой никто не будет смеяться. Но, по крайней мере, ради Мартины и Карло ты должна это сделать.

– Нет, ты не понимаешь... Я не могу выйти в таком виде! – И София указала рукой на висевший на стуле сценический костюм, вполне, впрочем, симпатичный. Пожалуй даже, на любой нормальной девочке он выглядел бы вполне прилично. Но она не была обычной, она бестолковая и неуклюжая.

– Не будь душой, – настаивала Лидия. – Юбка длинная, сбоку лишь немного порвано, но тебе же нужно сделать всего пять шагов. Клянусь тебе, это самый нарядный костюм, что я смогла найти.

– Жилет мне жмет. И я толстая.

Лидия сделала глубокий вдох.

– Сейчас же прекрати строить из себя идиотку! Согласись, что если бы не я с этим узким жилетом, то тебе бы снова пришлось нырять в тележку с тортами. Так что надевай этот чертов костюм и с улыбкой шагай на арену, ясно?

– Ясно, – пробормотала София.

– Меня уже достали все эти сказки, твоя кислая рожа, твой непонятный комплекс неполноценности. А теперь одевайся, о'кей?

София, казалось, тонула в этом потоке слов. Лидия едва не напугала ее.

– О'кей.

Подруга указала ей на платье. София надела его, стараясь не смотреть в зеркало. Повернувшись, она увидела, как Лидия критическим взглядом осматривает ее.

– Если бы ты посмотрелась в зеркало, то увидела бы, что оно сидит на тебе великолепно, – заметила она и с недовольной миной выскочила из примерной.

София с любопытством посмотрела на себя в зеркало. Тыква в вечернем платье – вот кто она. Из груди девочки вырвался стон.

Стоя за занавесом, она дожидалась своего выхода как смертного приговора. Софии становилось плохо, когда она искала среди публики гневные глаза мальчика. А может, его там не было, может, в конце концов, он решил уйти, и тогда она спасена.

Коротышка вызвал на арену Мартину и Карло. Они выскочили, подпрыгивая на ходу как сумасшедшие. Софии никак не удавалось следить за их выступлением. Она одно за другим просматривала сиденья в зале, молясь о том, чтобы его там не было. Потом девочка вдруг почувствовала на своем плече чью-то руку.

– Ты чего? Твой выход, смелее!

Это была Лидия.

– Ах да, да, – машинально ответила София, а затем схватила тележку и двинулась вперед.

Едва ступив на утрамбованную арену, она сразу почувствовала его. Его глаза. Она знала, что он исподтишка наблюдает за ней, посмеиваясь над платьем, совершенно не соответство-

вавшим ее полноватой детской фигуре. Это все равно что чувствовать на себе уколы тысяч маленьких булавок. София в ужасе шагала вперед. Она двигалась медленно, в то время как Мартина и Карло пытались, как могли, заполнить эту брешь в выступлении. Потом София с вытаращенными глазами остановилась в самом центре. Она вручила тележку Карло и вдруг вспомнила, что должна была оставить ее напротив Мартины. Карло не растерялся и, схватив один из тортов, метнул его прямо в лицо Мартине. Та схватила другой и бросила его в своего напарника.

Раздался смех. Получилось. У нее получилось. И все прошло хорошо. София рванула назад так быстро, как только могла. Потом она села на пол, чтобы отдышаться. Теперь она была в безопасности.

– Ну, поздравляю! Но должна тебе сказать, что когда ты падала лицом в торт, то смеху было больше, – заметила Лидия.

София с недоумением посмотрела на подругу. «По крайней мере, это не было так унижительно, как вчера», – подумала она про себя, а потом снова принялась наблюдать за зрительным залом. Как знать, был он там или это только показалось.

Юноша вышел из цирка, смешавшись с толпой. Он долго шел вперед своим размашистым шагом. Постепенно голоса зрителей все отдалялись, равно как и окутанное тишиной вечера приглушенное бормотание города. Когда мальчик решил, что удалился на приличное от него расстояние, он замедлил шаг, тяжело дыша, огляделся по сторонам: он находился на самой окраине. Что ж, превосходно.

Ему достаточно было закрыть глаза и немного сосредоточиться, как что-то зашевелилось у него под свитером, извиваясь вдоль позвоночника. Из горловины появилась хвостовая часть какой-то железной сороконожки, которая мертвой хваткой вцепилась в шею мальчика своими тонкими, как когти, лапками. Этот момент оказался самым болезненным. Потом мальчику достаточно было моргнуть глазом, как на его спине выросли едва заметные, почти бестелесные драконьи крылья, дрожавшие на холоде. Затем из устройства на его спине появились длинные металлические нити, сначала тонкие, а потом более широкие. Окутав крылья по всему контуру, они превратились в их жилы.

Мальчик посмотрел на свинцовое небо. Взмахнув пару раз крыльями, он взмыл ввысь. Там, на окраине города, его уже кто-то ждал.

5

Враг зашевелился

Следуя неторопливому субботнему маршруту, мальчик полетел на пустырь, дремавший в ночной тиши. Он видел, как сузилась река, пробираясь между отвесными краями ущелья. Сделав над ней пару кругов, он стал снижаться. Крылья сложились, металлический шнур вдоль спины самопроизвольно свернулся и исчез под свитером.

Мальчик вздрогнул. Январь и вправду был суровым, а его рубашка уже порвана. Кое-как запахнув ее, он огляделся по сторонам. Место было пустынным. Река с клокотанием, похожим на всхлипывания, неторопливо текла, пробивая себе дорогу среди мусорных куч.

«Это местечко идеально подходит для таких, как я», – раздраженно подумал мальчик.

– Ты здесь? Послушай, мне холодно! – крикнул он.

Но в ответ раздалось только мрачное уханье совы.

– Эй! – повторил он чуть громче.

Послышался шорох. Мальчик обернулся и прямо посреди груды мусора увидел его, спокойного и изящного. Это был необыкновенно красивый молодой человек лет тридцати. Каштановые, с медным отливом волосы мягко ниспадали на глаза, и время от времени он поправлял их несколько жеманным и чувственным жестом. Он был высоким, худощавым и безупречно одетым: светлые брюки и куртка, поверх нежно-розовой рубашки. Шея обмотана мягким кашемировым шарфом. Он шел неторопливо, словно паря над грудями отходов.

– Что ты кричишь? – спросил он с насмешливой улыбкой.

Мальчик сжался, обхватив плечи руками.

– Я кричу потому, что мне совсем не хочется превращаться здесь в сушеную треску, пока ты наконец появишься. Мне холодно.

Молодой человек остановился и посмотрел на него с укоризной.

– Думаешь, что так подобает обращаться к тому, кто старше тебя?

Но мальчик без тени смущения выдержал этот взгляд.

– На колени!

Мальчик улыбнулся.

– Рататоскр, мы оба – слуги, и ты это знаешь, и есть только одно существо, перед которым мы должны стоять на коленях.

– Ты ошибаешься, Фабио, – возразил молодой человек. – Ты действительно слуга, но я – совсем другое дело.

Мальчик был вынужден опустить глаза.

– Тебе придется придумать что-нибудь для крыльев, нельзя же рвать одежду всякий раз, когда я расправляю их. Мне не хватит денег на это.

Рататоскр ответил с ухмылкой:

– А вот и мое второе отличие от тебя: я никогда не обращаю внимания на подобные глупости.

Фабио ссутулил плечи от холода.

– Ну так что, мы будем что-нибудь делать или нет?

Молодой человек внимательно посмотрел на него.

– Какие-нибудь новости? – спросил он.

– Кое-какие.

Рататоскр вздохнул.

– То-то же, – сказал он, протягивая ему ладони.

Фабио нехотя оторвал свои руки от плеч и схватил его за пальцы. Они были холодные, словно лед. Это первое, что бросилось Фабио в глаза, когда этот тип постучался в его дверь. Казалось, его тело совсем не согревалось, словно кровь, циркулировавшая по его венам, тоже была ледяной. И это обстоятельство очень его встревожило: у человека не могло быть таких холодных рук.

Да, у человека. Фабио уже начал верить в его неправдоподобную историю именно благодаря ледяным рукам. Он вспомнил о том, как ловил ящериц, и о липком свежем запахе, который их кожа оставляла на подушечках его пальцев.

Зажмурив глаза, он крепко сжал руки молодого человека.

– Взываем к тебе из глубин твоего заточения, о, Вечный Змей, ответь на нашу мольбу, – в унисон произнесли они.

Все звуки вокруг стихли, и внезапно погасли звезды на небосклоне. Чернота, расплывавшаяся во все стороны от русла реки, взбиралась на скалы ущелья, поглощая все на своем пути, до тех пор, пока не воцарилась полная темнота. Нидхогр... Фабио почувствовал его появление до того, как тот предстал перед его глазами, и, как обычно, задрожал. Мальчик еще не привык ни к ужасу, исходившему от его образа, ни к его пугающей силе, ни к этому ощущению своего ничтожества, которое вызывало появление виверны у всякого, кто ее видел. Но мальчик старался держаться, ведь он был уверен в себе и ничего не боялся.

В бездне, окружавшей Рататоскра и Фабио, сначала возникли два горящих глаза, потом из тьмы стали медленно выплывать очертания продолговатой морды и кроваво-красная длинная пасть, с наводящей ужас ехидной ухмылкой и белыми острыми клыками.

В последнюю очередь появилось черное, кожистое, чешуйчатое тело. Ноздри чудовища дрожали, что-то вынюхивая, и со зловещим свистом выпускали воздух.

– Я почти чувствую его... запах воздуха, аромат ночи... Я становлюсь сильнее, а заклятие все слабее и слабее. – Монстр на мгновение замолчал, а потом внезапно вытаращил глаза, уставившись на Фабио.

– Ну и?.. Зачем вы меня потревожили?

Первым начал говорить Рататоскр:

– Этот мальчишка попросил меня вызвать вас, мой повелитель.

– Я знаю, – сухо ответил Нидхогр. – Я возлагаю на тебя большие надежды, парень. Ты стал первым из твоего рода, кому я оставил волю, потому что знаю, что ты всем сердцем принадлежишь мне, а твоя душа – часть моей. Докажи же, что ты заслуживаешь такой чести: сосуд у тебя?

Фабио напрягся.

– Я искал его повсюду: ни в местах, упомянутых в сказаниях, ни в указанных вами его нет.

Мальчик почувствовал, как Нидхогр затрясся от охваченной его ярости, он видел, как глаза виверны наполнялись ненавистью. Фабио ощутил, как она пронзила все его тело; мальчику показалось, что его голова вот-вот лопнет, а из его горла вырвался наружу жуткий крик.

Потом все так же внезапно закончилось, как и началось. У Фабио возникло ощущение, будто он пятится назад, сползая во мрак бессознательности, но Нидхогр силой мысли удержал его в сознании.

– Я отдал тебе приказ, и ты должен слепо ему подчиняться, – холодно произнес он.

Мальчик попытался восстановить ясность ума.

– Думаю, что я знаю, где оно находится, – заявил он сдавленным голосом.

Нидхогр ослабил хватку, и мальчик снова смог дышать. – Церковь, – добавил Фабио, поднимая глаза. Он отчаянно старался казаться сильным и выдержать давление этих безжалостных глаз.

– Почему именно там? – вмешался Рататоскр, скрывая усмешку.

– Потому что это – их место, – решительно и несколько презрительно ответил Фабио. Затем он снова посмотрел на Нидхогра. – Вы сказали, что сосуд выкрали и что служительницы культа забрали его у ваших слуг. Если это так, тогда он должен находиться в одном из их святилищ, это и есть церковь. Ну, или, по крайней мере, он обязательно должен появиться в местах, связанных с ними; несколько дней тому назад я почувствовал странную ауру, когда оказался там.

Нидхогр, прикрыв глаза, хранил молчание, два кольца серого дыма четко выделялись на фоне мрака, окружавшего его фигуру.

– Время поджимает, – произнес он наконец. – Любая твоя ошибка, любое твое непротительное промедление может привести наших врагов к плоду.

– Мой повелитель, они даже не знают, что мы здесь и что известно нам. Как бы то ни было, Нида уже отправилась на поиски третьего плода, – заметил Рататоскр.

– Она меня не интересует. – Голос Нидхогра грозно прогремел, насквозь пронзая мозг его слуг. – Я не найду себе покоя до тех пор, пока не будет повержен Тубан и не уничтожено Древо Мира. Мы уже и так упустили первый плод – я не допущу новых провалов.

Затем Фабио снова ощутил на себе его тяжелый взгляд.

– Ты знаешь наш уговор. Я многое тебе дал и многое требую взамен. И если ты допустишь промах, то я заберу все назад, а напоследок лишу тебя жизни.

Мальчик, преодолевая страх, пытался держаться уверенно.

– Я не промахнусь.

– Надеюсь, – прошипел Нидхогр.

Мрак рассеялся, и образ повелителя виверн исчез так же внезапно, как и появился. Фабио и Рататоскр снова остались одни на фоне пустынной панорамы ущелья. Мальчик лежал на земле, ладонями упираясь в голую скалу. За спиной он услышал смешок молодого человека.

Стиснув зубы, Фабио вскочил на ноги. Он схватил Рататоскра за шиворот, а в это время опять зашевелилось вживленное в его спину устройство, покрывая его правую руку ножами из сверкающего металла. Хватило одного мгновения для того, чтобы кулак юноши превратился в острый клинок, который он приставил к горлу своего напарника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.